

## САРАТОВСКІЯ СПАРХІАЛЬНЫЯ КЪДОЖОСТИ

21-го *Юля*

№ 26.

1876 года.

## ОТДѢЛЪ НЕОФИЦІАЛЬНЫЙ.

СОДЕРЖАНІЕ: Вечерняя бесѣда къ народу, произнесенная въ приходскомъ г. Саратова Срѣтенскомъ храмѣ Священникомъ Іоанномъ Златорунскимъ ноября 16 дня 1875 г.—Объявленіе.

**Вечерняя бесѣда къ народу, произнесенная въ приходскомъ г. Саратова Срѣтенскомъ храмѣ Священникомъ Іоанномъ Златорунскимъ ноября 16 дня 1875 г.**

Нынѣ чтенное Евангеліе повѣствуетъ намъ, о томъ, какъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ, во время земной Своей жизни, находясь въ Галилеи, совершилъ два чуда. Одно—на берегу Галилейскаго моря, на пути въ Капернаумъ, другое—въ самомъ городѣ, въ домѣ начальника синагоги Іаира. Одно произошло съ кровоточивою женою азычницею, изъ города Кесаріи Филипповой и состояло въ чудесномъ исцѣленіи ея отъ давней и неизлѣчимои болѣзни, другое—съ умершею двѣнадцатилѣтнею дочерью князя Іаира и заключалось въ воскрешеніи ея изъ мертвыхъ.

И такъ предъ нашими глазами теперь: неизлѣчимо-болная, но внезапно исцѣленная женщина, и умершая, но чудесно воскрешенная отроковица.—Яснѣе сказать, предъ нами теперь двѣ живыя картины, изображающія собою: болѣзнь и здравіе,—смерть и жизнь. Первые виды или изображенія этихъ картинъ одинаково печальные, крайне не утѣшительные для насъ; ибо представленіе болѣзни и смерти производитъ въ насъ впечатлѣніе неотрадное, ощущеніе неприятое. Послѣднія изображенія, хотя и составляютъ продолженіе однихъ и тѣхъ же картинъ и лицъ, на нихъ изображенныхъ, но представляютъ уже весьма отрадное

для насъ явленіе; ибо при взглядѣ на изображенія,—женщины, хотя и тренущей еще отъ страха, но уже совершенно здоровой,—отроковицы, хотя недавно бывшей мертвою, но получившей опять жизнь, взоръ нашъ проясняется, чувство оживляется необыкновенною радостію; ибо намъ самимъ дорого здоровье, мы любимъ жизнь. Отвративъ очи свои отъ видовъ печальныхъ, наглядно изображающихъ болѣзнь и смерть, мы желали бы постоянно имѣть предъ собою и наслаждаться зрѣніемъ картинъ свѣтлыхъ, отрадныхъ для насъ,—изображающихъ здравіе и жизнь. Эти картины весьма дороги и любимы нами.

Но что дѣлать намъ, если печальныя картины болѣзни и смерти всего чаще, почти постоянно, противъ нашей воли, какъ бы насильно, представляются взорамъ нашимъ? Нѣтъ челоуба на землѣ, которому бы не привелось страдать при одрѣ близкихъ сердцу, пораженныхъ болѣзнію, и горько плакать при послѣдней смертной разлукѣ съ ними. Какъ бы ни хотѣлось намъ имѣть вѣчно цвѣтущее здоровье и вѣчно жить на землѣ, однакоже страданія и скорби, неминуемая болѣзнь смертная и тлѣніе—неизбѣжны для насъ. Это общій жребій, общая доля, всѣмъ намъ опредѣленная! Таковъ законъ Бога Правосуднаго, изреченный нашимъ прародителямъ еще въ раю. Но одинаково ли мы смотримъ на это вѣчно-неизмѣнное опредѣленіе Божіе о насъ? Едвали не большое число изъ насъ, болящихъ и соболѣзнующихъ, смотрятъ на свои и другихъ болѣзни и страданія, какъ и на все противное и нецрїятное, съ жалобами и ропотомъ а на самую смерть какъ на страшнаго, не примиримаго врага,—ни чѣмъ не отвратимую вѣчную кару Божію. Такъ было прежде, какъ ведется и нынѣ; хотя и нынѣ, какъ и прежде, обрѣтаются души твердыя въ упованіи на Промыслъ Божій, всецѣло преданныя въ волю Божію, благодушно претерпѣваюція болѣзни и скорби неизбѣжныя, великодушно, съ радостію встрѣчающія самую смерть, какъ давно желанную гостью.

Посему, оставивъ сужденіе о здравіи и жизни,—какъ предметамъ и безъ того всѣми одинаково любимыхъ и дорого цѣнимыхъ нами, обратимъ лучше свои взоры на печальную картину

міра, по вся дни изображающую болѣзни и страданія, смерть и тлѣніе,—какъ такихъ предметовъ, о которыхъ многіе изъ насъ судятъ не правильно и различно. Притомъ размыслимъ о болѣзняхъ и смерти не только для того, чтобы имѣть правильное понятіе о нихъ, и не для того, чтобы, чрезъ воспоминаніе и размышленіе объ этихъ предметахъ, еще болѣе усугубить свое плачевное положеніе въ мірѣ,—но дабы и изъ печальнаго и непріятнаго извлечь для себя нѣчто отрадное и утѣшительное.

*Изде диаволъ отъ лица Господня и порази Юва лютою проказою отъ подошвы ноги его по самое темя его (Іов. 2, 7).*

Внѣ города покинутый всѣми, день и ночь сидѣлъ Ювъ на гноищѣ (пеплѣ), и не смотря на ужасную, жгучую боль во всемъ тѣлѣ, молчалъ, безропотно перенося свои страданія. Несчастная жена его скиталась, переходя съ мѣста на мѣсто, изъ дома въ домъ, прислуживая сосѣдямъ, чтобы и себѣ добыть кусокъ насущнаго хлѣба и утолить голодь страждущаго супруга. Наконецъ терпѣніе любящей жены истощилось; ропеть на Господа изторгся изъ стѣсенной груди ея. Однажды, въ скорби душевной, подойдя къ мужу своему, сказала ему: что ты страдаешь такъ долго и такъ ужасно! Доколы ты будешь терпѣть? Вотъ, подожду еще немного въ надеждѣ спасенія моего. Ибо погибли съ земли память твоя, сыны и дщери болѣзни чрева моего и труды, которыми напрасно трудилась. Самъ ты сидишь въ смрадѣ червей, проводишь ночь безъ покровы; а я скитаюсь и служу, перехожу съ мѣста на мѣсто, изъ дома въ домъ, ожидая, когда зайдетъ солнце, чтобы успокоиться отъ трудовъ моихъ и болѣзней, которыя нынѣ оудручаютъ меня. Ты страдаешь,—и все еще тверды въ непорочности своей! О, лучше умереть, чѣмъ жить и мучиться безотраднo! И такъ рыцъ (похули Бога) глаголь мѣкий ко Господу и умри! А Ювъ бѣдный страдалецъ, кротко взглянувъ на жену, сказалъ ей: что, какъ одна изъ безумныхъ жемъ возмалала веси! аще благая пріягомъ отъ руки Господни, заныгли не стерпимъ. И во всемъ этомъ не согрѣшилъ устами своими (2, 10).

А вотъ другая картина безропотнои скорби!—Это Пресвя-

стая Дѣва Марія, безмолвно стоящая при крестѣ Голгоескаго страдальца! О, кто изобразить Ея страданія и скорби!—при видѣ страждущаго, невиннаго, ко кресту пригвожденнаго возлюбленнаго Сына Ея! Чего бы не сдѣлала Мать для облегченія лютыхъ страданій Сына? И что же могла сдѣлать Она? Пусть бы не препятствовали Ей хотя поддержать дрожащими руками отягченную муками главу Господа—Сына Ея; хотя бы позволили утолить изъ своихъ рукъ мучительную жажду, Его снѣдавшую! И сего утѣшенія не было для непримѣрной матери Сына непримѣрнаго! Только и слышались со всѣхъ сторонъ неистовые вопли, злобныя насмѣшки и безжалостныя поруганія надъ Божескимъ могуществомъ Распятаго. Молча, покорно, безропотно стоитъ при крестѣ Сына своего возлюбленнаго Марія—Богоматерь: а Сынъ Ея со креста молится за Своихъ распинателей, какъ за друзей своихъ. Отче! Отпусти имъ,—ибо они не знаютъ, что дѣлаютъ.

Но вотъ, лютыя скорби, ужасныя болѣзни постигли и тебя, христіанинъ! Ты вопіешь на Бога, жалуешься на приглашеннаго тобою врача, при видѣ усиливающихся скорбей и болѣзней. Ахъ, душа христіанская, почто ты усиливаешь вопли свои? Богъ ли не знаетъ, что творить Ему? Врачъ ли, тобою призванный, можетъ измѣнить опредѣленіе Божіе? Или не вѣруешь, что все въ мірѣ и жизни промысломъ Божиимъ управляется! Или не вѣдаешь, что самое разумѣніе врача исходитъ отъ Бога, источника всякой мудрости и Имъ направляется къ цѣли, Ему единому извѣстной! Ужъ не думаешь ли, что Богъ забылъ о тебѣ, покинулъ твоихъ родныхъ, прекративъ Свое промышленіе о мірѣ, съ тѣхъ поръ, какъ коснулся тебя, или поразилъ близкихъ твоему сердцу тяжкимъ недугомъ?

Чувствуя въ себѣ и жалобами обнаруживая собственное безсиліе въ изобрѣтеніи пособій для обдержимаго болѣзнію, ты какъ будто хочешь обличить въ той же немощи и Бога всемогущаго, и жалобами, малодушіемъ и ропотомъ за неустыжанныя вопли и сѣтованіе душевное какъ бы думаешь подвигнуть благость Его совершить чудо исцѣленія. Ахъ, не оскудѣло Его